

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ДОГОВОРА ПРОСТОГО ТОВАРИЩЕСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ И ПРЕКРАЩЕНИЯ *SOCIETAS UNIUS REI VEL UNIUS NEGOTII* И *SOCIETAS QUAESTUS* В РИМСКОМ ПРАВЕ

Договор простого товарищества, урегулированный в настоящее время гл. 55 ГК РФ, относится к традиционным отечественным правовым институтам. Этот вид договора получил широкое распространение в совместном долевом строительстве зданий и сооружений, особенно в области жилищного строительства с привлечением средств отдельных граждан и юридических лиц. Правоприменительная практика в г. С.-Петербурге показывает, что значительное число коммерческих организаций заключает договор простого товарищества с целью прикрыть другую сделку. Например, договором простого товарищества коммерческие организации (ЗАО, ООО и др.) постоянно пытаются прикрыть договор строительного подряда с отдельными гражданами-дольщиками.¹ Это позволяет данным организациям избежать применения к их отношениям с гражданами Закона „О защите прав потребителей“ и иных норм, предоставляющих усиленную правовую защиту гражданам в отношениях с лицами, занимающимися профессиональной предпринимательской деятельностью в строительной сфере. Возможность участия в этом договоре различных субъектов привела к отходу от одного из основополагающих принципов, присущих данному виду договора, – общности цели, что с особой остротой поставило вопрос о прекращении договора простого товарищества и правовых последствиях такого действия.

Во многом проблемы, связанные с расторжением договора простого товарищества, являются общими для римского и современного отечественного гражданского права, что свидетельствует не только об общности законов развития гражданско-правовых институтов, об универсальности права, но и о необходимости тщательного изучения римского правового опыта.²

¹ См.: *Елисеев И. В.* Простое товарищество // Гражданское право. Учебник. Часть II / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 1997. С. 656; *Савельев А. Б.* Договор простого товарищества // Актуальные проблемы гражданского права / Под ред. М. И. Брагинского. М., 1999. С. 293–294.

² Соответствующие разделы современной научной и учебной литературы имеют в основном констатирующий характер. См., напр.: Гражданское право. Часть 2. Обязательственное право / Под ред. В. В. Залесского. М., 1998. С. 592–593; Гражданское право России. Часть вторая. Обязательственное

Рассмотрим отдельные основания прекращения договора простого товарищества в современном гражданском праве России и в римском праве.³

1. Объявление кого-либо из товарищей недееспособным, ограниченно дееспособным или безвестно отсутствующим (п. 1 ст. 1050 ГК РФ). Наличие данного основания прекращения договора простого товарищества связано с тем, что этот договор признается современным отечественным законодателем „**фидуциарной сделкой**, т. е. такой, в основе которой лежат личные доверительные отношения ее участников“⁴. Подобные основания мы находим и в римском праве. Так, Модестин (D. 17, 2, 4, 1) и Гай (Gai. III, 151–154) указывают в качестве основания прекращения рассматриваемого договора умаление правоспособности (*capitis minutione* или *deminutione solvi societatem*), поскольку оно уподоблялось смерти (*mortis coaequatur*). Ульпиан (D. 17, 2, 63, 10) уточняет: „наибольшего или среднего“ (*maxima aut media*) умаления их правоспособности. Изменение *status familiae* участника товарищества, т. е. *deminutio minima*, будь то усыновление в виде *adrogatio*, либо эманципация подвластного сына, не ведет к его выходу из товарищества, а следовательно, к прекращению договора (D. 17, 2, 65, 11).

2. Объявление кого-либо из товарищей несостоятельным (банкротом) (п. 1 ст. 1050 ГК РФ). Модестин говорит в связи с этим об обеднении товарища, когда он не может исполнять свои обязанности участника товарищества (*egestate*) (D. 17, 2, 4, 1).

3. Смерть товарища или ликвидация либо реорганизация участвующего в договоре простого товарищества юридического лица (п. 1 ст. 1050 ГК РФ). То же самое основание указывают Модестин (D. 17, 2, 4, 1) и Гай (Gai. III, 151–154) – *morte socii*, поскольку этот договор имеет сугубо личный характер и личность конкретного контрагента является в нем существенной (*certam personam sibi elegit*). Павел говорит, что товарищество может заключаться на постоянное время, т. е. пока живы товарищи (*in perpetuum id est dum vivunt*. – D. 17, 2, 1 pr.). Исключение составляет *societas vectigalium*.⁵ Если же в случае смерти одного из товарищей остальные члены товарищества решили остаться в рамках данного договора, добавляет Гай, тогда образуется новое товарищество (*nova societas incipere*) (Gai. III, 151–154). Практически теми же словами это положение формулирует Помпоний: „Впрочем, если наследники умерших членов товарищества захотели вступить в договор товарищества относительно этого наследства, то заключается новый

право: Курс лекций / Отв. ред. О. Н. Садилов. М. 1997. С. 612–614; Гражданское право. Учебник. Часть II / Под ред. А. П. Сергеева. Ю. К. Толстого. М. 1997. С. 666–667. Между тем договор товарищества по российскому гражданскому праву является аналогом римской *societas* (см.: Суханов Е. А., Кофанов Л. Л. Влияние римского права на новый Гражданский кодекс Российской Федерации // Древнее право. № 1 (4). 1999. С. 11.

³ Среди исследований по римскому праву в этой области следует отметить работу П. Е. Соколовского „Договор товарищества по римскому гражданскому праву“ (Киев, 1893). Однако автор уделяет внимание преимущественно происхождению и историческому развитию данного вида договора.

⁴ Масляев А. И. Договор простого товарищества // Гражданское право. Часть вторая: Учебник / Под общ. ред. А. Г. Калпина. М., 1999. С. 480. См. также: Масляев А. И., Масляев И. А. Договор о совместной деятельности в советском гражданском праве. М., 1988.

⁵ См.: Дерибург Г. Пандекты. Вып. III. Обязательственное право. М., 1911. С. 334.

договор, что приводит к появлению иска из товарищества в отношении их последующих действий⁶ (D. 17, 2, 37).

Важность личного фактора в договоре товарищества наглядно демонстрирует запрет заключать такой договор относительно вступления в товарищество наследника после смерти товарища-наследодателя (D. 17, 2, 35). В завещании нельзя назначить своего наследника правопреемником в товариществе, и это – императивная норма (D. 17, 2, 59 pr.). Но если наследник или наследники умершего товарища выразят желание вступить в товарищество в доле наследодателя, то предстоит заключить новый договор (D. 17, 2, 37). Исходя из сугубо личного характера договора товарищества, римляне требовали заключения нового договора на общих для всех других участников основаниях.

В отличие от римского права в российском праве предусмотрена возможность включения в договор соответствующего положения или заключения впоследствии дополнительного соглашения о сохранении договора в случае смерти одного из товарищей либо о замещении умершего товарища его наследниками (п. 1 ст. 1050 ГК РФ). Отечественный законодатель, таким образом, уже не придает договору товарищества того сугубо личного характера, которым его наделяли римские юристы. В этом видится одно из наиболее существенных отличий договора простого товарищества по современному российскому праву от договора товарищества по праву римскому. Однако определенная эволюция в этом направлении прослеживается уже в самом римском праве. Сабин говорит о запрете соглашением определять наследника правопреемником в товариществе только лишь относительно частных товариществ (*in privatis societatibus*). Товарищество откупщиков для сбора налогов (*societas vectigalia*) исключается из этого правила. В данном случае, таким образом, допускается правопреемство. По-видимому, здесь учитывался публичный интерес, связанный с государственной функцией налогообложения. Но все же, учитывая личностный характер отношений в данном договоре, Сабин сомневался в универсальности такого положения, поскольку товарищество, возможно, было образовано в расчете в основном на личные качества умершего, его работу и руководство товариществом (D. 17, 2, 59 pr.).

Любопытной представляется следующая ситуация: после образования товарищества, но еще до начала каких-либо совместных действий один товарищ умирает, и после этого другие товарищи совершают определенные действия по достижению общей цели. В данном случае, по мнению Павла, следует выяснить, знали ли они о смерти умершего товарища. Если им было известно об этом, следует признать, что их действия породили правовые последствия только для каждого из них в отдельности. Если же они об этом не знали, то правовые последствия наступают для всех участников товарищества (D. 17, 2, 65, 10).

В то же время как по римскому, так и по современному отечественному гражданскому праву допускается возможность предусмотреть, что в случае смерти

⁶ „Plane si hi, qui sociis heredes exstiterint, animum inierint societatis in ea hereditate, novo consensu quod postea gesserint efficitur, ut in pro socio actionem deducatur“.

одного из товарищей договор простого товарищества сохраняется между остальными его участниками (п. 1 ст. 1050 ГК РФ; D. 17, 2, 65, 9).

4. Отказ кого-либо из товарищей от дальнейшего участия в бессрочном договоре простого товарищества (п. 1 ст. 1050 ГК РФ). В римском праве прекратить действие договора можно по воле (*ex voluntate*) одного из товарищей (D. 17, 2, 63, 10), т. е. путем его отказа далее состоять в товариществе (*societas renuntiatione*) (D. 17, 2, 4, 1). Товарищество существует, пока существует соглашение товарищей (*donec in eodem consensu perseverant*). Если кто-либо из товарищей выходит из товарищества, то оно прекращается (*cum aliquis renuntiaverit societati, societas solvitur*) (Gai. III, 151–154).

Российский законодатель устанавливает правило, согласно которому товарищ, пожелавший выйти из бессрочного договора товарищества, должен сделать об этом заявление не позднее чем за три месяца до предполагаемого выхода из договора (ст. 1051 ГК РФ). В римском праве подобного правила не было, однако при желании выйти из договора товарищества также было необходимо сообщить об этом другим товарищам. Но в силу ограниченности коммуникационных средств и возможности длительного отсутствия отдельных членов товарищества по общим делам следовало учитывать интересы всех членов товарищества. В силу принципа свободы воли в римском праве при заключении договора любой участник товарищества мог беспрепятственно выйти из договора товарищества и потребовать выдела причитающейся ему доли. Но в данном случае отсутствующие в момент объявления о выходе из договора товарищества узнали бы о решении своего сотоварища через какой-то промежуток времени. И все это время, с момента его заявления о выходе из товарищества и до получения известия о таком решении, они, не зная об этом, действовали бы так, как будто подобного отказа и не было. В этом случае явно ущемлялись бы интересы сотоварищей, оставшихся в неведении относительно поведения другого товарища, из чего последний мог бы извлечь для себя выгоду. Например, получив прибыль, присвоить всю ее себе, сославшись на свой отказ от участия в договоре, или потребовать разделить с ним прибыль, полученную за этот период другими товарищами. Или, напротив, понеся убытки, потребовать разделить их с другими товарищами, сославшись на то, что он, якобы, все еще действовал в общих интересах, или отказаться участвовать в убытках, понесенных сотоварищами при ведении общих дел.

Таким образом, возникла опасность фактического образования, хотя и временно, запрещенного законом *societas leonina*. Для предотвращения злоупотребления выходом из товарищества в римском праве было сформулировано положение: „Если в отсутствии (одного из членов товарищества другой) вышел бы из товарищества, то пока (отсутствовавший сотоварищ) не узнает (об этом); то, что приобрел тот, кто вышел бы из товарищества, обращается в общую собственность, убытки же несет только тот, кто вышел бы из товарищества. Но то, что приобретет отсутствовавший, принадлежит только ему, а убытки, от им совершенного являю-

тся общими⁷ (*Paul. 6 ad Sab., D. 17, 2, 17, 1*). Римские юристы считали, что выход кого-либо из товарищества освобождает только других участников товарищества от обязательств перед ним, но не его от обязанностей перед контрагентами, оставшимися в товариществе (*D. 17, 2, 65, 3; 6*). Павел в 32-ой книге „Комментариев к эдикту“ приводит пример возможности злоупотребления правом выхода из договора *societas unius rei*. Двое граждан заключили между собой договор простого товарищества с целью покупки какой-либо вещи: „Затем ты захотел купить ее один, и для этого заявил о своем выходе из товарищества, чтобы одному совершить покупку, тогда ты будешь отвечать по иску в размере (возможной) для меня выгоды (от покупки). Но если ты заявишь о своем выходе (из товарищества) потому, что покупка была тобой сочтена невыгодной, то ты не будешь отвечать по иску, хотя бы я и купил вещь, потому что здесь нет обмана“ (*D. 17, 2, 65, 4*)⁸.

Выход участников из договора товарищества можно не предусматривать в договоре, так как само право позволяет беспрепятственно выйти из него, а при несвоевременном отказе от участия в товариществе – опять же в силу самого права – такое поведение товарища подлежит правовой оценке (*ipso iure societatis intemptiva renuntiatione in aestimationem venit*) (*D. 17, 2, 17, 2*). То же самое правило распространяется и на участие в товариществе раба, поскольку последний, хотя и не обладает правосубъектностью, рассматривался как „рука“ хозяина, как действующий исключительно от его имени и в пределах объема данных ему полномочий. Поэтому раб самостоятельно не может выйти из товарищества; только приказ господина приводит к отказу раба от дальнейшего участия в договоре. Но заявляет об этом сам хозяин в установленном законом порядке (*D. 17, 2, 18*). При продаже раба, состоящего в договоре товарищества, прекращается одно и возникает другое товарищество, при желании контрагента раба продолжать отношения товарищества. В данном случае не требуется перезаключение договора, как при желании наследников умершего сотоварища вступить в товарищество; основное внимание уделяется вопросу ответственности по искам из товарищества. Бывший хозяин отвечает за все, что произошло в товариществе до отчуждения раба, а новый владелец раба – за все то, что случилось уже после покупки (*D. 17, 2, 58, 3*). Любопытно, что, отрицая правосубъектность раба в принципе, римское право фактически признавало ее в договоре товарищества. Продажа раба-сотоварища приводила к прекращению первого товарищества и возникновению второго, что связывалось с переменой собственника раба. Но участник товарищества – контрагент раба ориентировался прежде всего на личные качества своего сотоварища, поэтому при продолжении товарищества не требовалось заключения нового договора, как это происходило в других случаях, а имело место лишь фактическое

⁷ „Si absenti renuntiata societas sit, quoad is scierit, quod is adquisivit qui renuntiavit in commune redigi, detrimentum autem solius eius esse qui renuntiaverit: sed quod absens adquisiit, ad solum eum pertinere, detrimentum ab eo factum commune esse“.

⁸ „Deide solus volueris eam emere ideoque renuntiaveris societati, ut solus emeris, teneberis quanti ineres mea: sed si ideo renuntiaveris, quia emptio tibi displicebat, non teneberis, quamvis ego emero, quia hic nulla fraus est“.

продолжение старого договора. Однако право признавало уже автоматическое прекращение первого и возникновение второго договора товарищества.

Римляне признавали правомерность как непосредственного заявления о прекращении договора, так и принятия заявления об этом через доверенных лиц или рабов. Подобного рода действия уполномоченных лиц непосредственно могли создавать или прекращать гражданские права и обязанности представляемого или хозяина раба (D. 19, 2, 65, 7–8).

В римском праве допускалось расторжение договора и путем конклюдентных действий *ex actio* (D. 17, 2, 63, 10), когда товарищи начинали действовать отдельно, и каждый вел дела исключительно для себя (*unusquisque eorum sibi negotietur*) (D. 17, 2, 64), или когда изменялась основа товарищества в силу стипуляции либо судебного процесса, поскольку само по себе предъявление иска в суд о расторжении договора простого товарищества уже бесспорно свидетельствовало о желании истца прекратить договор (D. 17, 2, 65 pr).

Наиболее простым случаем прекращения товарищества была ситуация, когда все его участники заявляли об отказе от продолжения товарищества (D. 17, 2, 65, 3).

5. Расторжение договора простого товарищества, заключенного с указанием срока, по требованию одного из товарищей в отношениях между ним и остальными товарищами (п. 1 ст. 1050 ГК РФ). При этом, если договор заключен с указанием срока, или с указанием цели в качестве отменительного условия, товарищ также может потребовать досрочного расторжения договора в отношениях между собой и остальными товарищами по уважительной причине.⁹ Однако, он обязан возместить остальным товарищам реальный ущерб, причиненный действиями такого рода (ст. 1052 ГК РФ).

Подобную ситуацию рассматривали Павел, Лабеон и Прокул. Если один из членов товарищества решил выйти из него в тот момент, когда другим важно довести дело до конца, то он несет ответственность за свои действия в виде возмещения как реального ущерба, так и упущенной выгоды. И в этом случае, если для товарищества в целом важно, чтобы оно не было прекращено, то выход отдельного участника не ведет к прекращению товарищества. В таком случае только наличие специального соглашения о прекращении товарищества выходом одного из его участников может привести к прекращению договора простого товарищества. Прокул замечает, что в таком случае всегда следует руководствоваться интересами товарищества, а не желанием одного участника в отдельности (D. 17, 2, 65, 5).

⁹ По мнению Г. Е. Авилова, для суда не представит особой трудности оценка степени уважительности причины, поскольку вышедший из товарищества участник обязан возместить реальный ущерб, нанесенный такого рода действиями остальным товарищам (См.: *Авилов Г. Е.* Простое товарищество (глава 55) // Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / Под ред. О. М. Козырь, А. Л. Маковского, С. А. Хохлова. М., 1996. С. 567). Однако правоприменительная практика показывает, что вследствие использования данного вида договора для прикрытия других сделок, оценка судом степени уважительности причины не является столь уж простым делом (см., напр.: Деловой Петербург. № 139. 2001. 13 авг. С. 5).

Однако при досрочном выходе из договора товарищества одного из его участников оставшиеся товарищи могут понести убытки. И в римском праве было предусмотрено для этого случая право других товарищей предъявить к преждевременно вышедшему компаньону иск из договора товарищества (*actio pro socio*) о возмещении убытков. Освободить его от повышенной ответственности за несвоевременный отказ может только признание наличия какой-либо необходимости в таком отказе (D. 17, 2, 65, 6).

Основаниями для досрочного прекращения участия одного из товарищей в товариществе римляне признавали:

– невыполнение им какого-либо условия, предусмотренного при заключении договора (*quia condicio quaedam, qua societas erat coita*) (D. 17, 2, 14);

– если товарищ своими действиями наносит ущерб товариществу и нарушает права других сотоварищей настолько, что его участие в товариществе нельзя более терпеть. Поскольку договор товарищества строился на началах личного доверия, то, разумеется, что такой товарищ выводился из товарищества (*Ibid.*);

– необходимое отсутствие участника товарищества по государственным делам длительное время против его воли (*rei publicae causa diu et invitus sit afuturus*) (D. 17, 2, 16 pr.). При этом против выхода такого участника из товарищества не могло быть выдвинуто возражение о том, что он может вести дела товарищества через постороннее лицо или через участника того же товарищества. Сам отбывающий по государственным делам решал, выйти ли ему из товарищества или остаться в нем, доверив вести дела за себя другому лицу, не являющемуся членом товарищества, или же сотоварищу (*Ibid.*).

Только справедливое основание (*iusta causa*) могло служить оправданием выхода участника из товарищества и выдела его доли. В иных случаях выйти из товарищества по своей воле товарищ не мог (*nec vendere poterit, alia ratione efficiat, ut dividatur* – D. 17, 2, 16, 1).

Ульпиан задается вопросом: „Но является ли действительным соглашение о том, что (никто из участников товарищества) не может выйти (из товарищества)?“ (*quid tamen si hoc convenit, ne abeat, an valeat* – D. 17, 2, 14). И он приводит мнение Помпония, скорее всего из его „Комментариев к Сабину“, что такое соглашение является бесполезным (*frustra hoc convenire*) (D. 17, 2, 14). У Павла мы находим ту же самую мысль, но выраженную в иной форме: „никакое товарищество не является вечным“ (*nulla societatis in aeternum coitio est* – D. 17, 2, 70).

Российский законодатель отнесся к такого рода соглашениям не менее категорично, введя императивную норму: „Соглашение об ограничении права на отказ от бессрочного договора простого товарищества является ничтожным“ (ст. 1051 ГК РФ). Такое соглашение признано именно „ничтожным“, как противоречащее общим принципам гражданского законодательства, в частности свободе заключения договоров.

Римское право делает исключение из общего правила о возможности одностороннего отказа от договора простого товарищества в отношении товарищества откупщиков, если оно уже приступило к исполнению договоров с третьими лицами (D. 17, 2, 65, 15). Скорее всего, здесь сыграл свою роль публичный интерес.

6. Истечение срока действия договора простого товарищества (п. 1 ст. 1050 ГК), (D. 17, 2, 65, 6).

7. Выдел доли товарища по требованию кредитора (п. 1 ст. 1050 ГК). Товарищество прекращается, если имущество одного из сотоварищей, внесенное им в виде вклада, продается публично или частным образом за его долги (*ex sociis bona publice aut privatim venierint*), т. е. происходит обращение на имущество несостоятельного должника в пользу его кредиторов (Gai. III, 151–154). К этому мнению Гая присоединяется и Лабеон, согласно которому продажа имущества кредиторами одного из товарищей ведет к прекращению договора (D. 17, 2, 65, 1). Отдельно в качестве основания прекращения товарищества римляне выделяли конфискацию имущества товарища в пользу казны (D. 17, 2, 65, 12).

8. Достижении цели, ради которой было образовано товарищество (D. 17, 2, 65, 10).

9. Российский законодатель не указывает еще на один важный для римского права способ прекращения договора простого товарищества – вещами (*ex rebus*): „Вещи – когда или вовсе не осталось вещей или вещи изменили свой характер; ибо никто не может быть участником товарищества, в которое были внесены вещи, которые (в настоящее время) уже не существуют, или посвящены богам, или сделались государственными“¹⁰ (D. 17. 2. 63. 10).

Таким образом, основанием для прекращения товарищества могла стать физическая гибель внесенной в качестве вклада вещи или изъятие этой вещи из гражданского оборота (*extra commercium*), т. е. превращение ее в *res sacra* или *res publica*.

В современном гражданском праве РФ такого рода основание прекращения товарищества отсутствует ввиду наличия общих норм о прекращении права собственности в силу гибели или уничтожения имущества либо изъятия его у собственника в соответствии с законом (п. 1 ст. 235 ГК РФ).

После прекращения договора простого товарищества происходит раздел имущества, находившегося в общей собственности товарищей. Вещи, переданные в общее владение или пользование товарищей, возвращаются тем, кто их передал, без всякого вознаграждения остальных. Впрочем, данная норма носит диспозитивный характер. Индивидуально-определенная вещь возвращается предоставившему ее товарищу, если при этом не страдают интересы других товарищей (п. 2 ст. 1050 ГК РФ).

Если же после прекращения договора один из товарищей произвел необходимые расходы на общую вещь, то при разделе общего имущества следует учесть его расходы. Но здесь уже следует применить иск о разделе общего имущества, а не иск из договора товарищества, поскольку после прекращения договора товарищества уже невозможно что-либо предпринять собственно в интересах товарищества (D. 17, 2, 65, 13). Показательно, что современный российский законодатель к разделу имущества после прекращения товарищества предписывает при-

¹⁰ Res vero, cum aut nullae relinquatur aut conditionem mutaverint, neque enim eius rei quae iam nulla sit quis quam socius est neque eius quae consecrata publicatave sit.

менять не специальные нормы гл. 55 ГК РФ, а общие положения ст. 252 о разделе имущества, находящегося в общей долевой собственности (п. 2 ст. 1050 ГК РФ).

С выделом доли при выходе из товарищества связано одно любопытное место из сочинения Ульпиана: „Однако тот, кто заключает соглашение (с условием) неделимости (имущества), и если только не возникает какого-либо справедливого основания, не может ни продать (свою долю), ни поступить на ином основании так, чтобы отделить (ее). Но, действительно, можно сказать, что нет препятствия для этой продажи, но здесь имеет место эксцепция против покупателя, если он отделил бы (вещь от общего имущества) раньше, чем это сделал бы тот, кто (ее) продал“¹¹ (D. 17, 2, 16, 1).

Здесь следует иметь в виду, что товарищ продал долю покупателю еще до ее выдела. Любопытно, что такая сделка признавалась действительной, и ей нельзя было воспрепятствовать с юридической точки зрения. По сути, перед нами сделка с отлагательным условием. По-видимому, имеется в виду право товарища, у которого есть *iusta ratio* для выдела своей доли, еще до совершения такого выдела продать соответствующее имущество другому лицу. Однако последнее должно „дождаться“ реального выдела доли товарищу-продавцу: лишь после этого он может взять причитающуюся ему часть из общей массы имущества товарищества. В отношении же товарища, который самостоятельно произвел отчуждение своей доли, применялась не эксцепция, а иск из товарищества или иск о разделе общего имущества (*tenetur societatis communi dividundo iudicio* – D. 17, 2, 17 pr.).

Наследник нес ответственность за вину наследодателя, хотя бы сам он и не являлся членом товарищества (*et acti etiam culpam, quam is cuius locum succedit, licet socius non sit* – D. 17, 2, 36). В этом случае наследник участника товарищества должен был довести до конца то, что начал умерший. И здесь ему в вину мог быть поставлен только умысел (*dolus*). Отметим, что наследник нес ответственность за *dolus* и *culpa* наследодателя, однако в отношении его собственных действий ответственность наступала только за умышленное пренебрежение делами (D. 17, 2, 40). „Иск из товарищества, – указывал Ульпиан, – предоставляется в отношении наследника участника товарищества, даже если наследник членом товарищества не является [ведь хотя бы он и не был участником товарищества, однако он является преемником выгоды (от деятельности товарищества)]“¹² (D. 17, 2, 63, 8).

Если же соглашение о продолжении товарищества не достигнуто, и к умершему товарищу нет никаких претензий со стороны других товарищей относительно его участия в договоре, то наследникам товарища уже нельзя предъявить никаких требований на основе договора товарищества (D. 17, 2, 60 pr.). При прекращении договора товарищества римляне считали невозможным истребовать что-либо с помощью иска *pro socio*. Помпониус рассматривает ситуацию, когда после смерти одного из товарищей и прекращения договора общее имущество товарищества

¹¹ Qui igitur paciscitur ne dividat, nisi aliqua iusta ratio intercedat, nec vendere poterit? Ne alia ratione efficiat, ut dividatur. Sed sane potest dici venditionem quidem non impediri, sed exceptionem adversus emptorem locum habere, si ante dividat, quam divideret is qui vendidit.

¹² In heredem quoque socii pro socio actio competit, quamvis heres socius non sit: [licet enim socius non sit, attamen emolumenti successor est].

было разделено между его наследником и другим товарищем, однако вскоре после этого появилось лицо, признанное настоящим наследником. Помпоний присоединяется к мнению Нерация и Аристона, что иск *pro socio* применить в данном случае уже нельзя, поскольку товарищ добросовестно заблуждался относительно правомочий контрагента и раздел общего имущества товарищей произошел без каких-либо нарушений. К моменту предъявления требования настоящим наследником договор простого товарищества уже не существовал, т. е. возможно предъявление искового требования, но уже на ином правовом основании к лицу, незаконно получившему долю умершего товарища (D. 17, 2, 62).

После расторжения договора простого товарищества могут оставаться обязательства по отношению к третьим лицам. Статья 1050 ГК РФ предусматривает солидарную ответственность товарищей перед третьими лицами по неисполненным обязательствам, а ст. 1053 – долевую или солидарную ответственность (в зависимости от характера отношений) для вышедшего из товарищества участника, при условии дальнейшего сохранения и функционирования товарищества, однако только по отношению к обязательствам, возникшим во время его пребывания в товариществе. Данная норма является императивной.

Римское право сформулировало подобного рода положение на весьма высоком абстрактно-теоретическом уровне: „Всякое долговое обязательство, заключенное во время существования товарищества, должно быть погашено из общего имущества, хотя бы платеж должен быть произведен после прекращения товарищества. Таким образом, если долг был принят под условием, то следует заплатить из общего имущества. Поэтому если тем временем товарищество расторгнуто, то должно быть предоставлено обеспечение”¹³ (D. 17, 2, 27).

Однако если один из сотоварищей должен отдать деньги в определенный срок, и товарищество распадается, то этот член товарищества не должен их вычитать при разделе имущества товарищества, как будто бы он был должен прямо сейчас, но должен разделить долг между всеми товарищами и обеспечить, чтобы, когда наступит срок уплаты, этот член товарищества получил защиту (D. 17, 2, 28).

Если товарищество было образовано для покупки или найма определенной вещи, то в силу самого характера соглашения и цели, с которой было образовано товарищество, обязательства после прекращения такого рода договора будут общими (D. 17, 2, 65, 2).

В завершение хотелось бы обратиться к опыту правового регулирования рассматриваемых правоотношений в англо-саксонской правовой семье. Здесь мы находим весьма сходные основания прекращения товарищества, правда, применительно к договору полного товарищества (*unlimited partnership*): „645. (I) если оно (товарищество. – *A. H.*) заключено на определенный срок – с истечением этого срока; (II) если оно заключено для осуществления одного определенного мероприятия – с окончанием этого последнего; (III) если оно заключено бессрочно – с

¹³ Omne aes alienum, quod manente societate contractus est, de communi solvendum est, licet posteaquam societas distracta est solutum sit. Igitur et si sub condicione promiserat et distracta societate condicio exstitit, ex communi solvendum est: ideoque si interim societas dirimatur, cautiones interponendae sunt.

изъявлением со стороны одного из членов товарищества другому или другим членам своего намерения расторгнуть товарищество¹⁴. В целом, однако, эти нормы являются диспозитивными, поскольку законодатель делает оговорку – „за изъятием, предусмотренным соглашением“. Кроме того, английское право допускает продление срочного товарищества и по истечении срока без заключения нового договора товарищества, если все участники товарищества продолжают заниматься прежней деятельностью, не выказывая намерения ее прекратить либо изменить (639). Если же договор товарищества был заключен на неопределенный срок, то всякий товарищ может в любое время прекратить товарищество, заявив об этом другим товарищам обязательно в письменной форме (638). Подобное сходство юридических конструкций можно объяснить двояко: во-первых влиянием римского права на англо-саксонское право, хотя в целом такое влияние считается весьма ограниченным, если не незначительным¹⁵ (тогда, однако, данный случай следует признать исключением из общего правила)¹⁶. Во-вторых, возможно, что само сходство задач привело в данном случае к похожим решениям¹⁷, тем более, что в своем развитии римское и англо-саксонское право шли по общему пути¹⁸.

В этом отношении показателен опыт России. Наличие сходных задач привело к тому, что российское законодательство развивалось в тесной связи с римским правом. К тому же следует всегда помнить о тесной связи русского и германского гражданского права. Отечественные юристы мыслили и работали в романо-германских правовых традициях. Поэтому опосредованно влияние римского права проявилось и в российском гражданском праве, что особенно наглядно видно на примере правового регулирования прекращения договора простого товарищества.

¹⁴ Свод английского гражданского права, составленный под редакцией Э. Дженкса: Общая часть. Обязательственное право / Перевод, предисловие и примечания Л. А. Лунц. М. 1941.

¹⁵ См.: *Покровский И. А.* История римского права. СПб., 1998. С. 271.

¹⁶ См.: *Hoeflich M. H.* Roman and Civil Law and the Development of the Anglo-American Jurisprudence in the Nineteenth Century. Athens-London. 1997. P. 110–117.

¹⁷ См.: *Dziuban E.* Rzyska „societas” a „partnership” systemu „common law”// *Zeszyty prawnicze*. № 1. P. 163–164, 166.

¹⁸ *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. М., 1999. С. 218–219, 229–230.